

тел бы я долгие годы...», 1963). Стих. С. «Звезда полей...» воспринимается как заповедь верности Родине: «Звезда полей, звезда полей над отчим домом / И матери моей печальная рука... / Осолок песни той вчера над тихим Доном / Из чуждых уст настиг издадека. / И воцарился мир, забвенью не подвластный, / И воцарилась даль — во славу ржи и льна...» В этом мироощущении С. близок к Н. Рубцову, Ю. Кузнецову, Н. Тряпкину и др. В традиции, нравственном опыте прошлого С. видит «врачующую» силу: «Вдали от всех парнасов, / От мелочных сует / Со мной опять Некрасов / И Афанасий Фет. / Они со мной ночуют / В моем селе глухом. / Они меня врачуют / Классическим стихом» («**Вдали от всех парнасов...**», 1960). В середине 1970-х С. выпускает книги «**Четверть века**» (1975), «**Позднее утро**», «**Городские стихи**» (обе — 1977), «**Спасибо, музыка**» (1978). Мн. стихи воспринимаются как сокровенная дума умудренного жизненным опытом человека. «Живя переменным метой празднеств и бедствий», С. прошел «испытание временем, испытание веком, испытание бременем и родным человеком». В подтексте стихов угадывается боль пережитого. Они все больше окрашиваются элегической интонацией. Лирика С. обретает новый настрой: «Не поддаваться времени, / Его собою полнить / И даже в поздней темени / О том, что будем помнить. / Не надо плакать, милая, / Ты наших поколений. / Стань домом, словом, силою / Больших преодолений» («**Ты плачешь в зимней темени...**», 1971). Интонация раздумья пронизывает и мн. стихи, созданные в 1980-е. О тональности сб. «**Новые времена**» (1986) говорят строчки открывающего книгу стих.: «Сумрак зазеленевший, / Лиственный, тополиный. / Душу мою задевший, / Юный такой, старинный, / Стань для одних свиданьем, / А для других хоть словом, / Помороси о давнем, / Пошелести о новом» («**Сумрак зазеленевший...**»). Творческие искания С. этих лет отразились в книгах «**Долина**» (1981), «**Избранные произведения**» в 2-х томах (1981), «**Стихотворения**» (1983). В лирике появляются элементы сказочного, фантастического. «Каждый поэт в душе сюрреалист, — признавался позднее С. — Даже Гомер. Даже Пушкин. (Сон Татьяны, скачущий всадник в «Медном всаднике» и т. д.) Другое дело, как он с этой иррациональностью поступает. Без ирреальности, иррационального невозможно поймать переход мгновения в вечность» («**Посещение**. М., 1992. С. 102). В своих исканиях С. остается верен «поэтике мгновения», придерживаясь

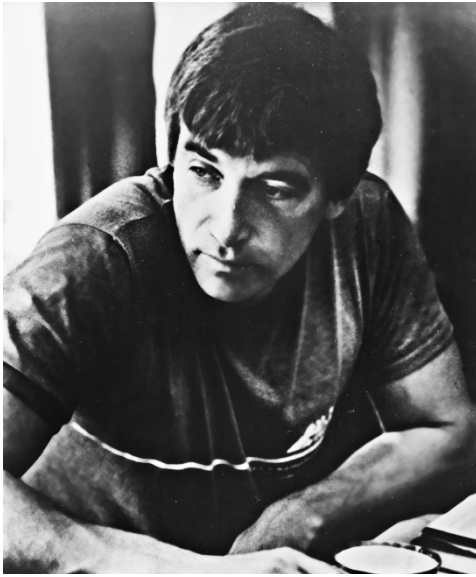
ее и в крупных жанрах — поэмах «**Смена дней**», 1960; «**Улица**», 1966; «**Шадринск**», 1967; «**Сюжет**», 1976, построенных по принципу лирического цикла. Поэмы «**Александровский сад**» (1984) и незавершенная «**Алиби**» являются, по определению автора, «вольными» поэмами, где одновременно сосуществуют и лирика, и эпос, и драма, и трагедия. В поэме «**Пришелец**» (1991) использованы элементы фантастического. Придерживаясь классической традиции, С. следовал программе: «В каждом уловленном часе или мгновении должна быть частица вечности». В последние годы С. выпустил два сб. стихов: «**Посещение**» (1992) и «**Самые мои стихи**», последний составлен, по признанию поэта, «вдохновенно и строго». В него вошли стихи, созданные почти за полвека работы в русской лит-ре. Название сб. «**Посещение**» ассоциируется со строчками известного стих. Ф. И. Тютчева: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...» Книга пронизана раздумьями поэта о трагическом состоянии эпохи, зараженной духовным омертвением: «Я устал от двадцатого века, / От его окровавленных рек. / И не надо мне прав человека — / Я давно уже не человек» («**Я устал от двадцатого века...**», 1988).

Соч.: Избранные произведения: в 2 т. / предисл. Е. Евтушенко. М., 1981; Четверть века: Избранные стихотворения. 1948–75 / вступ. статья В. Кожина. М., 1975; Сюжет. Стихи и поэма. М., 1980; Избранное. М., 1989; Самые мои стихи. М., 1995; Неповторимый венец: Стихотворения и поэмы. М., 1999; Белые ветки России: Стихотворения. Поэмы. М., 2000.

Лит.: Михайлов О. «Твой белый парус крепко...» // Дружба народов. 1969. № 6; Урбан А. Образ человека — образ времени. Л., 1971. С. 302–311; Пикач А. Н. Спасибо, век! // Сверстники: Сб. молодых критиков. М., 1980. С. 215–227; Кожин В. В. «Стихи должны быть как открытое окно» // Кожин В. Статьи о совр. лит-ре. М., 1982. С. 129–161; Михайлов А. В. Портреты. М., 1983. С. 312–341; Чупринин С. И. Крупным планом. М., 1983. С. 131–144; Куняев С. С. «Дохла жизни глубина» // О поэзии В. Соколова: Сб. молодых критиков. М., 1985. С. 207–217; Македонов А. П. Свершения и кануны. М., 1985. С. 270–283; Запелалов В. Н. Поэзия Владимира Соколова // Лит-ра в школе. 1989. № 1. С. 45–53; Библиограф. указатель. Торжок, 1998; Колычева Н. М. Поэзия В. Н. Соколова: К 75-летию со дня рождения: Книга для учителя. Великий Новгород, 2003.

В. Н. Запелалов

СОКОЛОВ Саша (настоящее имя Александр Всеволодович Соколов) [6.11.1943, Оттава] — прозаик.

Саша Соколов

Родился С. в семье торгового советника советского посольства в Канаде, бывшего в действительности одним из руководителей разведывательной группы (агентом «Дэви») по сбору сведений о производстве американской атомной бомбы. В 1946 после провала группы семья возвращается в Москву, где пройдут детство и юность С.; окончил московскую школу, Военный ин-т иностранных яз., входил в состав известной группы «СМОГ» («Самое молодое общество гениев»); в 1964 С. поступает на ф-т журналистики Московского ун-та, который закончит заочно через семь лет. Это годы, заполненные журналистской работой (в Красноярском крае, Марийской республике, на Средней Волге, позже — в газ. «Лит. Россия»), тогда же появляются первые рассказы. Жизнь города, столицы, а в особенности — жизнь московской знати представлялась С. истинным кошмаром, уродство этого мира станет основной темой первого романа писателя **«Школа для дураков»** (1973, опубл. в США в 1976, в России — в 1989). Около двух лет С. работает егерем в охотничьем хозяйстве для советской элиты в Калининской обл., на Волге. Увиденное и пережитое здесь ляжет позже в основу романа **«Между собакой и волком»**. Однако до публикации второй книги пройдет много времени, многое придется еще пережить до отъезда за границу. «Школа для дураков» станет визитной карточкой начинающего романиста благодаря усилиям известного издателя Карла Проффера («Ардис»),

поддержке Н. Берберовой, И. Бродского и в особенности — отзыву В. Набокова, назвавшего роман лучшей совр. русской книгой. Худож. манера С. многим показалась темной и путаной; повествовательный элемент словно бы и не интересует писателя. Поток ассоциаций, фантазий, сочетания случайно брошенных фраз уводят порой читателя далеко от первоначальной мысли или события, погружая его в иной, отличный от реального, загадочный мир. Сюжет тонет в поэтике, событие уступает место метафоре, акцент переносится с «действия» на «переживание», воспоминание становится пересочинением, домысливанием. Лит-ра для С. — «это хороший модернистский джаз» (**«Знак озярения»**. С. 182). Действительность, «смещаемая чувством» (Пастернак), переживание, находящееся в гнезде ассоциации: они распространяются от него во все стороны, обладая удивительной способностью перекидывать мосты через весьма отдаленные явления. Автор выбрал рассказчиком ученика школы для умственно отсталых детей, называющего себя Нимфеей, страдающего раздвоением личности, не способного различить события важные и незначительные, реальные и вымышленные, а главное — предшествующие и последующие. Единственным другом мальчика, не считая самого автора, которому он все это рассказывает, был его школьный учитель, географ пятой пригородной зоны Павел (Савл) Петрович Норвегов. Савл, пророк и учитель, рассказывает своим ученикам историю, которая является ключевой для понимания героев книги. Это притча «Плотник в пустыне» о «большом мастере своего дела», жившем в пустыне, «где было пусто: ни гвоздей, ни досок», куда он пришел, чтобы «сделать что-нибудь полезное» (Школа для дураков. С. 182). Учитель тоже пришел в «пустыню» школы для умственно отсталых детей, чтобы созидать, учить «кидотскую массу, плюющую друг другу во рты, ревущую, кривляющуюся, хрюкающую, хохочущую». Вот «пустыня» учителя, проповедника, художника во все времена. Подобно плотнику, нашедшему все-таки в конце концов две доски и воплотившему свое желание сделать что-нибудь полезное, Норвегов нашел из всей массы дураков мальчика, героя романа, с которым разговаривал, кому давал книги и рассказывал историю о плотнике в пустыне: «Плотник положил одну доску поперек другой, достал из кармана гвоздь и забил в место пересечения досок, таким образом накрепко соединив их: получился крест». Учитель Нимфеи пророчит с первых же страниц романа бурю, грозу, ве-

тер. Ветер вообще пронизывает весь роман, ветер вращает флюгера и разливает реку, ворошит старые газеты и листья; в самой фамилии героя есть указание на холодный северный ветер. «Грустью всего человека» назвал С. свою книгу.

Нимфея существует во времени своих воспоминаний и фантазий, он живет в своем особом мифологическом времени, находящемся за пределами календарного. С. и в этом, и в последующих романах создает свой мир, защищаясь тем самым от воздействия мира внешнего. Герой романа дурак, юродивый, стоящий вне законов внешнего мира, вне политики, вне идеологии. У него свои мифы, у государства — свои.

«Между собакой и волком» (1980), второй роман С. также обдумывался и был начат еще до отъезда из Советского Союза. Работая егерем, С. открывал для себя совершенно незнакомый мир, много общался с новыми людьми, вглядывался в особую манеру поведения, наблюдал за привычками, обычаями, усваивал их речь. Роман стал отражением той грубой, жестокой действительности, что открылась здесь писателю. Это выразилось в самой его тональности, так отличной от настроения «Школы для дураков», стилистике, языке. Жесткость материала, видимо, определила и большую определенность в выборе художественных средств, четкость сюжетных линий. Но и здесь среда существования — мир расплывчатый, мерцающий, пограничный. С. так объясняет смену худож. ориентиров: «Я думаю, что у каждого писателя не один, а несколько голосов. Я думаю, что у творческих людей эта особенность распространена. В каком-то смысле это болезненная вещь, то есть раздвоение и расстройство личности. Достаточно настроиться себя на какой-то определенный лад, и получится какая-то др. лаборатория. Требуется время, чтобы перейти к другому стилю. Всякий раз я хочу написать совершенно новую книгу, используя совершенно новые кличи» (Глэд Д.— С. 195).

«Палисандрия» (в англ. варианте — «Астрофобия», 1985) — третий роман С., явственно обозначивший новый этап в худож. поисках писателя. Отталкиваясь от набоковской «Лолиты», он стремится, по собственному признанию, сделать «Лолиту» наоборот». В основе новой стилистики — пародия: на произведение бульварной лит-ры, мемуарную и документальную прозу; лексика, используемая С., сама по себе пародийна, «эдакое своеобразное лингвистическое барокко» (Бартон Д.— С. 281).

Постмодернистские тенденции в творчестве С. наиболее ощутимы именно в этом романе — фантастическом, феерическом, пародийном романе-памфлете; подчеркнута грубо эксплуатируя «кремлевскую» тему.

С. вновь обращается к «экзотическому» герою, жившему на рубеже XX–XXI столетий внучатому племяннику сталинского соратника Лаврентия Берии и внуку Григория Распутина, прошедшего «по-наполеоновски славный путь от простого кремлевского сироты... до главы государства и командора главенствующего ордена».

Соч.: На сокровенных скрижалях // Русская литература в эмиграции: третья волна. Анн-Арбор, 1984; Тревожная куклолка // Континент. 1986. № 48; Школа для дураков. М., 1990; Знак озаренья // Октябрь. 1991. № 2; Палисандрия // Глагол. 1992. № 6; Палисандр. Это я? // Там же.

Лит.: Жолковский А. Влюбленно-бледные нарциссы о времени и о себе // Беседа: Религиозно-философский ж. Ленинград; Париж. 1987. № 6. С. 144–177; Битов А. Грусть всего человека // Октябрь. 1989. № 3. С. 152–157; Фридман Д. Ветру нет указа // Лит. обозрение. 1989. № 12. С. 14–17; Ерофеев В. Время для частных бесед // Октябрь. 1989. № 11. С. 196–199; Глэд Д. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. М., 1991. С. 192; Бартон Д. Саша Соколов: Лит. биография // Глагол. 1992. № 6. С. 171–191.

А. А. Павловский

СОКОЛОВ-МИКИТОВ Иван Сергеевич [18(30).5.1892, урочище Осеки Калужской губ.— 20.2.1975, Москва] — прозаик.

Родился в семье лесного приказчика. Мать — местная крестьянка, дед по материнской линии — неграмотный крепостной, «у барина псарь». Раннее детство С.-М. прошло в деревне Кислово — «в лесу, в одиночестве». Учился он в реальном училище в Смоленске (1903–10) «очень неудачно», не мирился с формализмом и «подлостью казенных учителей», за что был изгнан из 5-го класса. В 1910 приехал в Петербург и поступил на четырехлетние сельскохозяйственные курсы, однако вскоре «ушел в море матросским учеником вокруг Европы». С 1913 плавал на торговых судах. Первую мировую войну встретил в Греции на Афоне и с риском для жизни добирался до России, едва не угодив в плен к туркам. Воевал на фронте в санитарном отряде. «В шестнадцатом,— по его словам,— поступил в Эскадру воздушных кораблей, летал на „Илье Муромце V“. В эскадре застала революция». Служил во 2-м Балтийском флотском экипаже. В 1918 демобилизо-